

1. Апрель. У Днестра

К утру дождь закончился, лужи светились лунным апрельским холодом. Тимофей старался сапоги не мочить, иной раз приходилось обходить разливы луж впритирку к стенам домов. За подслеповатыми окнами царила тишина: невеликий городок Чемручи* еще спал. Освободили город вчера, особо боев не случилось, только на окраине наши слегка постреляли, наткнувшись на дурных отставших немцев.

Тимофей обогнул очередную лужу, нервно зевнул и пожегил: холод пробирался под вытертый ватный пиджак, словно зима никуда и не девалась. Это от сырости. Дожди шли и шли, землю развезло просто зверски, но это не повод в хате сидеть, задницу греть. Вон, соседний Дубоссарский район еще в марте освободили, люди воюют давно, а тут...

У Тимофея имелся повод спешить. Сам он был не городским — ну, если Чемручи можно городом именовать, — посему пришлось встать едва за полночь и сразу выходить. Печь с вечера не топил, поэтому запер дверь неуютной выхоленной хаты, сунул ключ под крыльцо — кому надо найдут — и, не оглядываясь, двинул напрямую через виноградник. Так и не оглянувшись на Плешку — село растаяло во тьме, словно и не бывало. В сторону кладбища глянул, это было. Ладно,

---

* Названия некоторых населенных пунктов, номера воинских частей и фамилии изменены. Данная книга — художественная, дающая представление о реальных событиях, основанная на воспоминаниях участников и реальных документах, но не претендующая на звание исторического справочника или военно-исторического исследования.

чего уж теперь. Новая жизнь впереди, знай шагай к ней, петляя между студеных луж.

Немногочисленные улочки Чемручи были, конечно же, хорошо известны раннему прохожему. В последние месяцы совался Тимофей в город не часто: того и гляди загребут и в Германию угонят. Так что заказчики хоть и ворчали, но сами в Плешку ходили. Хотя и заказов на ремонт ботинок и сапог было с гилькин нос: и городок, и окружающие его села, затаив дыхание, ждали судьбоносного прихода Красной армии. А как она пришла, так поди заметь, что пришла — промелькнули утром немногочисленные бойцы, да и все. Красный флаг на бывшей управе уже сами горожане вывесили.

Тимофей остановился и прислушался — на западе рокотало. Не очень грозно, но настойчиво. Будет еще служба засидевшимся в холодке гражданам! Хватит, отдохнул, вдоволь насмотрелся на румын и немцев, натворил от безделья глупостей. На фронт, и никаких задних мыслей!

По правде говоря, ранний прохожий, несмотря на свою юность и самокритичность, твердо знал, что он не бездельник. И руки откуда надо растут, и сложились обстоятельства иначе, давно бы воевал, и вовсе не в малодушных тыловых рядах. Но против жизненных обстоятельств, хоть как лбом упираться, а переть напролом не получается.

Тимофей выбрался на сухое место, вздохнул, поправил кепку, придирчиво осмотрел обувь. Сапоги с виду невзрачны, но рыжеватая кожа надежна, швы прошиты и вощены на славу — в общем, правильная обувь, поскольку сам кожи подбирал, сам шил и берег для вот такого утра.

«Талант у тебя, Тимотей, — говорил, цокая языком, дядя Илие, — а сапожный талант — он один из наипервейших! Это на скрипке можно пиликать, а можно не пиликать, общество только чуть поскучнее станет. А без обуви какое общество? То не общество, а чистый голый зоосад!»

Дядя Илие бывал в Кишиневе, дважды видел в передвижном зверинце льва и обезьяну, чем очень гордился. Может, и еще увидит, если не убьют. Дядю Илие румыны мобилизовали еще летом 42-го, не повезло сапожнику — по причине чистой румынской крови загребли только так. Писал жене

из Крыма: мол, «жив, здоров, кушаю, как на той свадьбе у Дмитру». Тетка Надья плакала: на той памятной свадьбе супруга здорово поколотили и два зуба вышибли.

Потом писем и вовсе не стало, а Тимофей, уж давно привыкший отзываться на Тимотея, все так же исправно сидел в старой крошечной мастерской, возвращал жизнь потрепанной «праздничной» обуви селян и экономных городских обывателей, делил вырученные леи с теткой Надьей и скрипел зубами, дожидаясь, когда такая проклятая жизнь кончится. Ну, не то чтоб она прямо с утра до вечера была проклятая, случалось в ней порой и очень хорошее, но поминать о том нельзя.

Вот! На здании бывшей украинской школы висел красный флаг, к двери была прищилена свежая, но уже промокшая бумажка. Тимофей поднялся по ступенькам и не без труда прочел: «Призывной пункт воинской части п/п №...». Едва забрезживший тусклый свет сумрачного весеннего утра расшифровке цифр не способствовал, но и не особо требовалось тот номер угадывать. Номер полевой почты — вещь секретная и мало что говорящая, вот призовемся, тогда все узнаем.

Тимофей сел под дверь и приготовился ждать. Но на крыльце подкапывало, и если по-умному, то имело смысл иное место подыскивать. Призывника с соплями запросто могут и не взять.

Во дворе было еще мокрее и пахло свежим навозом. Тимофей обошел лужу-трясину и встал под навес дверей сарая. Внутри сонно зафыркали лошади.

Истошно заскрипела задняя дверь школы, на ступеньки вышел человек в накинутах на плечи телогрейке, посмотрел на небо, поежился и принялся расстегивать военные галифе. Тимофей культурно кашлянул. Человек вздрогнул и потянулся к кобуре.

— Я свой! — поспешно заверил ранний визитер, почувяв, что служба может и вообще не состояться.

— Свой? Какой еще свой в потемках? — пробормотал военный, держа руку на кобуре, и заорал: — Гончарук, ты часовой или что?

— Що? — отозвались откуда-то из-за угла школы.
— Я тебе дам «що»! — возмутился громогласный военный. — Ты, твою мать, где прячешься?! Почему по двору посторонние гуляют?

Из-за угла высунулся красноармеец и пояснил:

— Та я до воды ходил. Завтрак же...
— А если немцы к нам еще до завтрака забредут? — разозлился военный. — Я сейчас тебе ведро на башку надену!
— Так а що, опять те немцы? — Красноармеец посмотрел на Тимофея. — То пацан!

— Я не пацан, а призывник, — счел нужным уточнить ранний гость.

— Во, то призывник! — обрадовался боец Гончарук. — Тока не особо гвардейского объема в пузе и росте.

Военный на ступеньках в сердцах сплюнул, спустился с крыльца и сказал Тимофею:

— Жди, раз призывник. Сейчас разберемся.

Тимофей ждал, когда командир управится с утренними делами, и думал, что служба начинается как-то не так. Нужно было до нормального утра выждать, не переться спозаранку.

Командир вернулся, поправляя телогрейку, уже более спокойно спросил:

— Так кто такой?

— Лавренко Тимофей Артемович, одна тысяча двадцать шестого года рождения, прибыл для призыва и прохождения службы! — Будущий призывник достал свои справки.

— Что прибыл, хорошо. С бумагами повременим, все равно ни зги не видно. А чего тебе не спится, Тимофей Артемович? — Командир как-то судорожно и болезненно зевнул, прикрывая рот справками призывника.

— Так вышло, товарищ командир. Я с села Плешки, тут пока дойдешь...

— Ранний ты призывник, далеко не все на фронт так спешат. Ладно, раз пришел, помоги вон бойцу с водой...

Тимофей помог с водой, потом с дровами. В школе было не особо уютно, но получше, чем на улице. Неуклюжий

Гончарук возился с печью, ставил чайник. Командир — он оказался в капитанском звании — брился, попросил подержать зеркальце ближе к свету: лампа была единственная, да и та глубоко коптильной конструкции. Тимофей держал зеркало, посматривал на погоны капитана.

— Не привык еще к погонам? Ничего, привыкнешь. Так куда торопишься, ранний товарищ Лавренко? — ухмыляясь углом рта, спросил капитан.

— А чего тянуть? — угрюмо сказал Тимофей. — Сидел под немцами-румынами, как та мышь под веником, пора гадам долги отдавать.

— Порыв хороший, правильный. А ты, случаем, не сотрудничал тут с оккупантами? Если думаешь на фронте застрять, то напрасно...

— Товарищ капитан! — Зеркало в руках Тимофея дрогнуло.

— Спокойно. На полицаю ты не особо похож, но вопрос-то правомочный, а? Всяких хитрых граждан мы видели.

— Понимаю. Готов дать полный отчет, — горько заверил Тимофей. — Я, товарищ капитан, перед войной в комсомол готовился, на «Юного Ворошиловского стрелка» сдать успел, гранату на отлично метал. Сюда к тетке приехали — и вдруг война. Мать болела, уйти не успели. Я бы уже давно был на фронте, вот даю честное слово. А в Чемручи и районе даже партизан не имелось.

— У всех так. — Капитан осторожно отер бритву. — Сплошь «уйти не успели» и сплошь «Ворошиловские стрелки». Просто удивительное количество стрелков и патриотов. Как сейчас мать-то?

— На Плешковском кладбище. Еще в сорок первом умерла.

— Да, это не у всех. Ладно, про сотрудничество я для порядка спросил. По возрасту и комплекции ты на полицая едва ли тянешь, там хлопчики лихо хари откармливали. Отец воюет?

— Не знаю. К нам одно письмо в самом начале только и проскочило. Он на заводе. Гальванический цех.

— Дело хорошее. — Капитан продолжал ухмыляться, осторожно и не очень ловко работая бритвой, почему-то левой рукой. — А где тут завод-то был?

— Товарищ капитан, я же говорю: мы из Харькова. У меня справка из школы, там все...

— Харьков — это тоже хорошо, — согласился капитан. — Тут у нас дивизия есть, так и называется — Харьковская. Впрочем, это военная тайна. А Харьков — город известный. Говорят, разрушен здорово и народ фашисты сильно изничтожили. Ну ничего, отстроим. А чего ты, товарищ Лавренко, без сидора или иного мешка с пожитками?

— А чего барахло таскать? Ложка и зубная щетка с собой. Остальным вы обмундируете, — пробормотал Тимофей.

— Гм, верно, конечно. Только амуниции и тушенки с перловкой сразу не будет, на это не рассчитывай.

Капитан принялся промывать помазок, и теперь стало очевидно, что командир ухмыляться и не думал, просто у него угол рта сдвинут, да и кожа до уха неестественно натянута шрамом. Осколок, наверное, задел.

Капитан продолжил объяснять:

— На дорогах видел, что делается? Отстали тылы, а приказ — «Вперед!», и его нужно исполнять. Так что напрасно ты харчем не запасся.

— Потерплю. Я привыкший.

— Тоже верно.

Капитан утер лицо, сел за стол и, наконец, развернул справку будущего призывника. Тимофей затаил дыхание.

— Так, по-румынски у нас только одна кобыла понимает, да и та контуженая. — Капитан отложил справку из городского отделения жудеца*. — Вот, эта доступнее. «Справка дана Лавренко Т. М. в том, что он успешно окончил...» Что ж ты так документы бережешь? Пятно вон какое.

— Пожар был, товарищ капитан. Сажа в трубе загорелась, пальто тогда вообще не спас. Обычная справка, там

---

* *Жудец* — административный округ на территориях, оккупированных Румынией.

было «успешно закончил шестой класс школы № 36, переведен в седьмой класс». Вон и табель.

— Табель вижу. Гм, ну допустим. — Капитан отложил испятнанную бумажку и посмотрел на призывника. — От чего бежишь, гражданин Лавренко?

Тимофей взгляд выдержал и четко сказал:

— От стыда бегу, товарищ капитан. Хватит уже, насиделся в тылу.

— Темнишь малость, Лавренко. Но не к теще на блины отправляем. Что ж, если сотрудничеством с немцами не замаран, иди, воюй. Но если нагрешил, лучше сразу сознайся, иначе люди знающие найдутся, все равно подскажут.

— Товарищ капитан, я фашистов не меньше вашего ненавижу! Мне только винтовку дайте.

— Верю, верю. Иди, скажи Гончаруку, чтобы кипятка тебе налил, и жди формирования команды. Ну и помоги ему там, чтоб зря не сидеть.

Тимофей помог с водой и лошадьми. Потом, когда начали подходить призывники, помогал невыспавшемуся писарю-ефрейтору составлять списки. Сам писарь был волжанином, к местным именам и фамилиям еще не приспособился, сам путался, да и многие призывники от вопросов и волнения дар внятности теряли.

Национальностями и диковинными фамилиями городок Чемручи и его окрестности были весьма богаты: молдаване и украинцы, поляки и гагаузы, болгары и румыны... До войны и евреев с немцами хватало, сейчас-то, конечно, их в списках не имелось. В военкомат в эти дни шли по большей части без повесток: слух прошел, что забирают, мужчины призывного возраста сами приходили, не дожидаясь бумажек. Хотя, конечно, не все шли, но, как сказал капитан, «никого не позабудем, пусть и не надеются».

По слухам, должны были собрать новобранцев человек пятьсот, это если со всей округи и дальних сел, но Тимофей уже понял, что такого не будет: спешит полевой военкомат. Дивизия ведет бой, преследует немцев и румын, скоро бросок за Днестр, а там и до Кишинева меньше полста километров.

Бойцы дивизии нужны позарез: наступление хотя и ходкое — сейчас победный порыв только грязь и сдерживает, — но личного состава не хватает. Посему формальности и медкомиссия сведены к минимуму.

В полдень капитан велел построить новобранцев во дворе, вышел и сказал кратко, но доходчиво:

— Товарищи! Идет наступление. Враг панически отходит, и наш славный Второй Украинский фронт решительно нацелен на скорейшее освобождение столицы Советской Молдавии. Поэтому боевое обучение, освоение оружия и тактику фронтовых действий вы будете осваивать непосредственно в своих подразделениях. Поздравляю вас с вступлением в нашу дружную гвардейскую семью! Иванцов, грузи бойцов — и вперед!

Сержант скомандовал «По двое становись!», что сделать оказалось затруднительно: лужа посреди двора была глубока, как омут. Будущие гвардейцы потянулись со двора. Тимофей оглянулся на капитана, тот кивнул и, кажется, вздохнул.

Тимофею полегчало и одновременно стало стыдно. Не хорошо службу начинать с обмана и даже подлога — это же вообще откровенное преступление. Но что делать? В конце концов, не убавил же себе возраст гражданин Лавренко, а прибавил. Простится, если вдруг вскроется. Есть такие надежды.

Было Тимофею Лавренко шестнадцать лет, и на фронт ему нужно было просто до зарезу. По личным мотивам и из-за полной безнадежности ситуации.

Куцая колонна шагала по краю улицы, под ногами чавкало. Сержант ободрял зычным голосом. Казалось, уже к дороге на Григориополь пора сворачивать, но прошли еще прямо — напротив амбаров, у кучи зеленых ящиков, ждали несколько красноармейцев.

— Бери, славяне! Ежели кто жадный, можно по два!

Новобранцы подходили поочередно, забирали боеприпасы. Тимофей тоже получил из свеженького ящика скользкий снаряд. Боеприпас был в смазке, сильно пачкался; но-

вобранцы, хоть и не блистали парадной одеждой, бурчали ругательное.

— Без гомону! Такое ваше первое боевое задание. Это трехдюймовые, они на батареях сейчас на вес золота! Да и чего порожняком-то ходить? Веселей, веселей, вы ж теперь гвардия! — призывал сержант Иванцов.

Снаряд — красивый, золотистый, со строго-серой, опасной головкой — показался Тимофею не особенно тяжелым*. Но шагов через сто выяснилось, что нести его жутко неудобно. Да еще грязница...

Не было уже никакой колонны, шли цепочкой вдоль похостей на болото дороги парни и мужчины в разномастных ватниках и полупальто, несли уже не очень золотистые снаряды. Обходили увязшие в грязи выше колес грузовики, обгоняли едва ползущие двуколки с зарядными ящиками, пушки и подводы, грязных, как черти, артиллеристов и измученных лошадей.

Хотя все вокруг чавкало, фыркало и хрипло материлось, Тимофею вновь казалось, что он один. Шаг, еще шаг; попадешь след в след — плохо, не попадешь — еще хуже. Снаряд лежал на плече, мыслей «а вдруг рванет?» давно уже не имелось. Странно, тут же до Днестра не так и далеко должно быть? Ходил год назад за дешевой кожей, такая даль не помнилась, вроде быстро тогда дошел. Где река-то?

Реку призывник Тимофей Лавренко увидел уже в темноте. Вернее, плавни увидел, а вода лишь изредка проглядывала. Заканчивался день одиннадцатого апреля 1944 года, а команда все шла и шла, иной раз теряя дорогу и направление, ориентируясь лишь на осипший голос сержанта Иванцова. Наконец куда-то свернули, кому-то отдавали снаряды, потом попадали в сарае на сырую солому. Где-то недалеко стреляли, в нос бил кислый дух овчинного воротника соседа, есть уже не хотелось, только спать.

---

* Выстрел 76-мм с осколочно-фугасным снарядом весит около 6,5 килограмма.

Не так Тимофей представлял себе побеждающую Рабоче-крестьянскую Красную армию, но жизнь приучила к тому, что она — настоящая жизнь — вовсе не такая, как думалось до войны мальчишке Тимке. Привык уже призывник Лавренко и не удивлялся.

* * *

Завтракали всухомятку: кухня не пришла. Сухари — черные, сытные, странным образом напоминавшие о довоенных детских вкусах-впечатлениях; еще был чай — сладкий, густой, как сироп. Кто-то из призывников говорил, что сахар немецкий, трофейный и ненастоящий, ну и ладно, зато его было много. В выбитые ворота амбара заносило влагу моросящего дождя, тянуло холодом и развезенной грязью. Тимофей почувствовал, как от этой стылости и сладкого запаха дымного кострового чая начинает вновь неудержимо тянуть в сон.

Но тут пришел офицер, приказал строиться. Командир оказался замполитом полка — теперь так называли комиссаров. Он объявил, что сейчас будут занятия по боевой подготовке, потом принятие присяги и распределение по ротам.

— Далее взводим пружину диска, — объяснял усатый боец в ловкой короткой телогрейке. — Аккуратненько, вот так... Щелчки чувствуете? Восемь раз щелкнет — и хорош.

Новобранцы наблюдали за возней с магазином. Автомат ПППШ многие видели впервые и в больших сомнениях полагали, что винтовка будет понадежнее. Тимофея оружие разочаровало: это ж какое количество патронов вмещается?! Да еще запасной диск!

— А потом вставляем патрончики. Опять же аккуратненько, быстро, но неспешно, «ручейком», как и написано в наставлении. — Автоматчик ловко вставлял небольшие патроны. — Землю диском не черпаем, солому внутрь тоже не пихаем, автомату она без надобности.

— Все ж мудрено, — сказал один из новобранцев, тоже с усами, но подлиннее и почернее, чем у инструктора. — А штык к нему полагается?